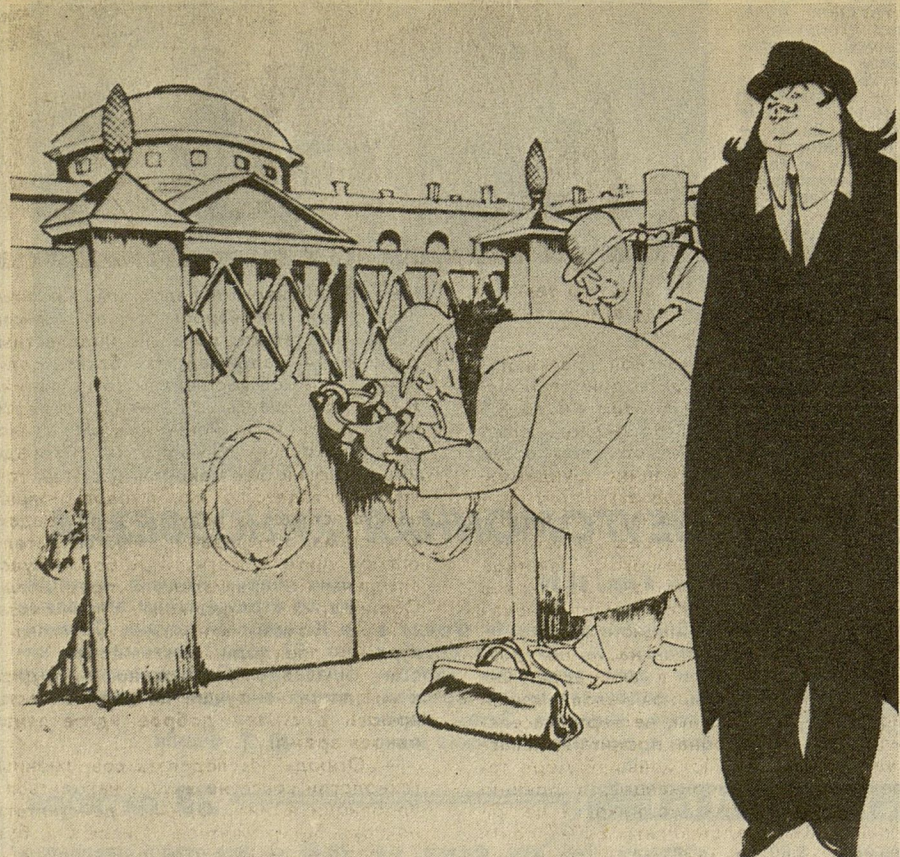
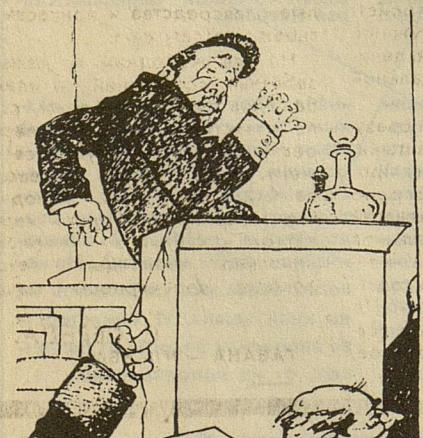

Н. Ре-ми — забытое имя

Говоря о Саше Черном, невозможно не вспомнить о журнале, который был знаменит на всю Россию и делал знаменитыми тех, кто в него вошел. Речь идет о «Сатириконе», затем о «Новом Сатириконе», куда перешли наиболее талантливые сотрудники первого издания. Его страницы, к слову, прекрасно отвечали на знаменитый петербургский типогрaфии Голика и Вильборга, — изобразительный аккомпанемент грустно-ироничным стихам поэта. В журнале сотрудничали замечательные художники. Старшие — Б. Кустодиев, Е. Лансере, М. Добужинский, И. Билибин — принесли с собой дыхание свободной сатирической прессы, рожденной в дни первой русской революции. Младшие — А. Радаков, А. Яковлев, А. Юнгер, В. Лебедев, Н. Радлов, Б. Антоновский, Н. Альтман, Б. Григорьев, В. Дени, С. Чехонин — не только вошли в историю сатирической графики, но и прославились как крупные живописцы, художники-иллюстраторы. Редактировал журнал А. Аверченко. Самым «сатириконовским» художником «Сатирикона» был, на наш взгляд, Ре-ми. Под этим, уже, малоизвестным именем скрывался блестящий рисовальщик, боготворимый шажкист Николай Владимирович Ремизов. Богато одаренный от природы, он укреплял остроту глаза и твердость руки в мастерской Академии худо-

ПЕРЕЛОМНЫМ моментом в истории народов сопутствуют всплески поэзии, возникающие, как прорывы, в периоды активного солнца. Русская литература дает немало наглядных тому подтверждений, но отнюдь не только русская. Великая французская революция, открывшая новую эру в истории человечества, сопровождалась буквально взрывом патристических, политических, сатирических куплетов и песен. Одной из особенностей таких поэтических взлетов, связанных с историческими переменами, является расцвет сатирических направлений. В водоворотах и смерчах политических кризисов неизменно слышны не только стоны и крики боли, но и раскаты смеха. Обо всем этом уместно сказать, вспоминая о чрезвычайно ярком и своеобразном, но, к сожалению, все же полужанитом поэте предположительно и полупредположительно России — Саше Черном. Наиболее полный сборник его стихов увидел у нас свет единственный раз — в 1960 году и с тех пор больше не переиздавался. Между тем именно сегодня все написанное этим замечательным поэтом приобретает особую ценность.

Литературная критика относит Черного к довольно большой группе сатирических поэтов, работавших в популярных петербургских журналах «Сатирикон» и «Новый сатирикон». В тот период в его адрес нередко раздавались обвинения в слишком мрачном восприятии жизни, чрезмерной резкости сатирических обличений. «В литературном преискуранте, — писал без горечи сам поэт, — /Я занесен на скорбный лист: /Нельзя, мол, отказывать в таланте, /Но безнадежный пессимист!».

Однако подобного рода упреки были несправедливыми по отношению к сатирическим стихам Черного и тем более по отношению к его творчеству в целом. Он никогда не был представителем исключительно сатирического жанра, и главной частью его творчества оставалась лирика, окрашивающая в своеобразные мягкие тона и многие из его сатирических стихов. В них чаще всего слышен голос высокого чувства уважения к достоинству человека, утверждения свойственных ему стремлений к красоте и добру. Сатира Черного проникнута не злобой и желчью, а болью и состраданием ко всему чистому и человеческому, что в условиях российской действительности, лишенной демократических традиций и институтов, как правило, подавлялось и затоплялось куда-то вглубь и во времена А. Пушкина, и во времена М. Салтыкова-Щедрина, и в годы отпущенные судьбой Саше Черному, как, впрочем, и в последующие годы.

Сатира Черного появилась в 1905—1912 годах, в критический период русской истории, когда миллионы людей все острее ощущали обреченность и распад привычного сложившегося уклада жизни, а надежды на ее обновление безжалостно подавлялись силами реакции. Об этом времени К. Чуковский писал: «Обычно, вспоминая его, говорят о правительственном терроре, о столыпинских виселицах, о разгуле «черной сотни» и т. д. Все это так. Но к этому нужно прибавить страшную болезнь, вроде чумы или оспы, которой заболели тогда тысячи русских людей. Болезнь называлась опшенино, загнивание души... Она отравляла умы и чудовищно искалечила нравы. Тяжелее всего поразила она так называемых «культурных людей»... Рус-

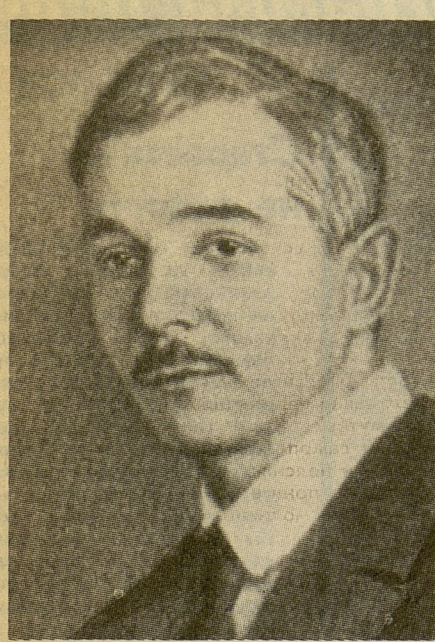
Сатира, юмор, ирония всегда служили человеку защитой, в трудных ситуациях становились его оружием в борьбе с силами реакции, ограждали от упадка духа и болота обывательщины.

«Я ЗАНЕСЕН НА СКОРБНЫЙ ЛИСТ...»

ское общество, в значительной своей части теряя веру в будущее, прибегало к духовным наркотикам — мистике, эзотике и цинизму, все гуще вязло в трясине меланхолического быта с его узаконенным скотством и узостью мысли. Во сколько-нибудь сердцах высокие идеалы потухли, сколько разбитых надежд и исклеченных судеб принесло то время, брошенное злые семена в горючую землю России, проросшие впоследствии восходами революции. Не сказав пелену желчи, а с грустным реализмом, присущим А. Черному, почитателем которого он всегда был, рисует Черный свое время.

У Черного острое зрение, проникающее в суть вещей, чувство высокой гражданственности, подлинного, не бутафорского демократизма, который всегда дорого обходился его носителям в России.

Не приходится удивляться тому, что, выступив как политический сатирик, Черный приобрел себе немало врагов. Не раз изымались цензурой, а то и вовсе запрещались номера журналов с его стихотворениями. Ибо сатира Черного не щадила ни министров, ни царских сановников и генералов, ни реакционных церковников, ни даже самого государя-императора «всероссийского» Александра Михайловича Глиберга, печатавшийся под псевдонимом Саша Черный, по национальности был еврей. Он родился в Одессе, учился в Житомире, где был крещен десятилет от роду отцом, стремившимся дать сыну возможность поступить в гимназию. Впрочем,

гимназии он не окончил и был исключен из 6-го класса «без права поступления», что дает основание предполагать, что причиной были не только бесспорная нужда, но и, по-видимому, революционные настроения будущего поэта. В Житомире же он начал писать свои первые стихи и работать в местной газете, в которой и печатал их наряду с театральными рецензиями, заметками, а в типографии этой газеты ему нередко приходилось самому тереть колесо печатной машины и мыть шрифт.

Он был свидетелем еврейских погромов и бесчинств «черной сотни», которую Черный ненавидел и презирал. Но через все годы пронес он любовь к России, любовь искреннюю, глубокую, верность которой была проверена долгими годами эмиграции. Ясно видевший все общественные язвы российской действительности, нередко переживавший мучительное чувство обиды за задаленного и приниженого житейскими заботами, унижениями, бесправием русского интеллигента, мужика, солдата, поэт в эмиграции писал о России:

О Тебе, волнуясь, вспоминаем,— Это все, что здесь мы сберегли... И встает былое светлым раем, Словно детство в солнечной пыли...

Есть у Саши Черного едкие, язвительные стихи, изобилующие немецкими междометиями, которыми он, конечно, не предпочитал междометия русских. Междометия для поэта всегда и везде оставались синонимом пошлости, нравственного урод-

ва, антитезой человечности и человеческого.

Не принадлежал к какому-либо радикальному революционному политическому течению или партии, Черный во всей своей жизненной философии, в своем творчестве, сохраняя верность своей любви к России, был демократом и патриотом, любившим простого человека своей страны и всем сердцем желавшим ей счастья.

Тишина. Поля глухие, За оврагом скрип колес... Эх, земля моя Россия, Да хранит тебя Христос!

Это строки из стихотворения «На поправке» из цикла «Война» Саши Черного, добровольцем ушедшего на фронт и оставшегося на передовой до конца первой мировой войны. Его можно считать одним из основоположников русской фронтовой лирики и притом в самом лучшем значении этого слова, ибо стихи, посвященные войне, не содержат ни одной фальшивой шовинистической нотки, а, напротив, проникнуты гуманизмом, состраданием к человеческому горю, полным неприятием шовинистического и милитаристского утара.

Весь цикл «Война» написан с огромной выразительностью, с присущей поэту рельефностью восприятия. Там все — и боль, и слезы, и физические страдания. Но там нельзя найти ни им-дра врага, ни кровавых призывов. Войну он рисует как величайшее несчастье, как выражение тех темных античеловеческих сторон жизни, врагом которых он был. В 1920 году он эмигрировал в Литву, затем перебрался в Берлин, за которым последовал Рим и, наконец, Париж. Весь склад его личности был противен насилию, пусть и революционному, конформизму, и ограничению индивидуальной свободы. И покинул он страну не как ее враг, а как ее скорбящий сын, сам себя приговоривший к добровольному изгнанию. В эмиграции он остался верен себе, не связав свою судьбу ни с одной из политических группировок. Считаясь по странам Европы, Саша Черный написал немало прекрасных стихов о людях Германии, Италии, Франции, Литвы. Но самыми лучшими его стихами были стихи о России. Обладая удивительной памятью и поразительной живописностью языка, он средствами поэзии делал то, что великие русские художники Саврасов, Велетов, Левитан, Шишкин делали с помощью кисти. В его поэтических пейзажах открывается не только красота русской природы, выражающая сокровенные стороны русского характера, но и воспроизводятся живые страницы истории. Люди и быт его времени воспринимаются с такой непостижимой яркостью, что, читая его стихи, мы как бы совершаем путешествие на машине времени и, делая это, более глубоко познаем самих себя.

Нельзя не сказать и еще об одной стороне творчества Черного. Он написал много прекрасных стихов детям. Они светятся добротой, заботой о детской душе, безграничным доверием и любовью. Детский мир для него был своего рода прибежищем, куда он уходил от невзгод и тягот взрослого мира, и, уходя в этот мир, он щедро дарил ему свое сердце, превращаясь в доброго и умного волшебника.

Но о поэте может по-настоящему сказать только сам поэт. Дадим же читателю услышать его «собственный голос».

В. ВАСИЛЬЕВ.

НОВЫЙ САТИРИКОН

Невольное признание

Гессен сидел с Милюковым в печали. Оба курили и оба молчали.

Гессен спросил его кротко, как Авель: «Есть ли у нас конституция, Павел?»

Встал Милюков. Запнаясь от злости, Резко ответил: «Еще был! Еще был!»

Долго сидели в партийной печали. Оба курили и оба молчали.

Гессен опять придвигается ближе: «Я никому не открою — скажи же!»

Раненый демон в зрачках Милюкова: «Есть — для кадет! А о прочих ни слова...»

Мнительный взгляд на соратника бросив, Вновь начинает прекрасный Иосиф:

«Есть ли...» Но слезы бегут по жилету — На ухо Павел шепнул ему: «Нет!»

Обнялись нежно и в мирной печали Долго курили и долго молчали.

(1909)

Слишком много разговоров, Пересудов, переколов, Бесконечных рассуждений, Полувысказанных, полумнений... Слишком много.

Слишком много безразличных, Веселящихся, безличных, Жизнерадостно-утробных, Всепрощающих, незлобных... Слишком много.

Слишком много терпеливых, Неуверенных, плаксивых, Робких, маленьких, забитых, Растерявшихся, разбитых... Слишком много.

Слишком много паразитов, Фарисеев, незутов, Губернаторов, удавов, Патриотов, волокозавов... Слишком много.

Слишком много слуг лукавых, Партий правых, жертв кровавых... И растет в душе тревога, Что терпения у бога Слишком много!

(1906)

Приказ

Бумажные бодрители Трошат из всех щелей: «Читатели и зрители, Бодрей, бодрей, бодрей!»

Маститые и «синие» Журнальные одры — Все шлют приказ по линии, Что бодрей все бодрей...

Конечно, бодрость — качество Прекрасное вполне, Но скорбь ведь не чудачество, И горе — не во сне.

Ведь хамство все развязнее, Терпенье все мертвей, Разгром все безобразнее, А ветер все правей...

Смешно в лицо голодное, Чтоб подсластить наш быт, Орать сто раз бесплодно: «Будь сыт, будь сыт, будь сыт!»

(1913)

До реакции

(ПАРОДИЯ)

Дух свободы... К перестройке Вся страна стремится, Полицейский в грязной Мойке Хочет утешиться.

Не топись, охранный воин, — Воля улыбнется! Полицейский! Будь покоен — Старый гнет вернется...

(1905 или 1906)

Уличная сценка. 1909.
Забитость.
Вот вам цветочек для украшения пасхального стола. Мы нарочно сделали все белое — это так идет к черной юбке и розовой семге, 1916.
Проект снятия памятников.
Чугунная контрреволюция в революционной кулузе. Май 1918 г.
В имени прибалтийского барона. 1915.
Алло! Как? Вы говорите, к нам идут немцы? Ну, не беспокойтесь, у меня для них приготовлена такая батарея...
«Новое время» было закрыто Временным правительством навсегда (из газет).
Похороны «Нового времени». «Кто-то провозмат ее на кладбище? Нет у нее ни друзей, ни родных...». Ноябрь 1917.

места, руководимой Д. Н. Кардовским. Здесь-то и обнаружилось сатирические наклонности молодого художника, приведшие его в журналистику.
За десять лет работы (1908—1918 гг.) ни один номер «Сатирикона» не вышел без его рисунка, карикатуры, шаржа. Ничего почти неизвестного. А жалко! Помимо своей художественной самости, они представляются выразительнейшими свидетелями той переходной эпохи, которая вызывает нынче к себе особый интерес. В ней многое пробуждает любопытство. Ре-ми приходится «столыпинщина», первые шаги российского парламентаризма, начало первой мировой, резко приближавшей империю к ее краху.
Начиная из жизни предреволюционной России иные публикации творят некий миф свободного и процветающего государства, обрушенного большевиками в пропасть «голода и бедствий».
Думается, те, кто взглянет на работы Ре-ми, человека, к слову, не понявшего и не прильнувшего к революции, скажут: «Полночь, господи, не морочьте нам голову!»
Ре-ми глубоко и беспощадно раскрыл темные и отталкивающие черты старого быта, обездоленности низов и благоденствие «верхних десяти тысяч», показал произвол полицейский; он обесмертил, так сказать, бездарность царской бюрократии.
Его работы в наши дни вдруг сделали вновь актуальными — они объективно объясняют тем, кто впал вдруг в сомнения относительно законности исторически свершений, что революции без причин не происходят.

О. ТИМОФЕЕВ.

